

БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ ЮДИН

Родился 14 августа 1943 г. в Москве.

В 1967 г. окончил МВТУ им. Н.Э.Баумана.

1967–1968 гг. – инженер-конструктор Всесоюзного научно-исследовательского института металлургического машиностроения.

1969–1973 гг. – научный сотрудник Института конкретных социальных исследований АН СССР.

1973–1977 гг. – консультант редакции журнала «Вопросы философии».

1977–1989 гг. – старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР.

1988–1989 гг. – главный редактор журнала «Вопросы истории естествознания и техники».

1988–1991 гг. – зав. сектором Института философии АН СССР.

С 1986 г. – доктор философских наук.

С 1987 г. – профессор МГУ им. Ломоносова.

С 2000 г. – член-корреспондент РАН.

С 1991 г. – заведующий сектором биоэтики Института человека РАН.

С 1999 г. – исполняющий обязанности директора Института человека РАН.

С 1992 г. – вице-президент Российского национального комитета по биоэтике РАН.

С 1990 г. – главный редактор научно-популярного журнала РАН «Человек».

Чтение курса по биоэтике на философском факультете МГУ с 1991 по 2003 гг.

С 2004 г. – научный руководитель Института гуманитарных исследований при Московском гуманитарном университете.

Представитель России в Руководящем комитете по биоэтике Совета Европы с 1997 г., член бюро этого комитета.

Член исполнительного бюро Международной ассоциации биоэтики с 1999 г.

Сочинения:

Опубликовано свыше 250 научных работ в таких областях, как методология системных исследований и самоорганизация, философия, социология и этика науки, биоэтика, человеческий потенциал России, методология комплексных исследований человека, в том числе:

• Наука и мир человека (в соавт.). – М., 1978.

• Методологический анализ как направление изучения науки. – М., 1986.

• Введение в биоэтику (в соавт.). – М., 1998.

Награжден медалью «В память 850-летия Москвы».

Лауреат премии Капире (Италия).

E-mail: boris.yudin@public.mtu.ru

О ЧЕЛОВЕКЕ, ЕГО ПРИРОДЕ И ЕГО БУДУЩЕМ

1. Снова о природе человека

В самом начале XXI столетия резко и достаточно неожиданно обострился интерес к такой, казалось бы, совершенно антикварной теме, как природа человека. Действительно, в прошлом столетии благодаря усилиям прежде всего позитивистов, хотя и далеко не их одних, вопрос о природе человека представлялся безнадежно метафизическим, лишенным какого бы то ни было научного смысла. Так, профессор Массачусетского технологического института С.Пинкер, специализирующийся в области когнитивных наук и эволюционной психологии, в своем докладе на заседании Совета по биоэтике при президенте США в марте 2003 г. заметил:

«В течение большей части XX в. в интеллектуальной жизни Запада было широко распространенным отрицание природы человека, о чем свидетельствуют такие представительные цитаты: “у человека нет природы” – философ Ортега-и-Гасет; “у человека нет инстинктов” – антрополог и популярный интеллектуал Эшли Монтегю; “мозг человека способен обеспечивать любые формы поведения и не предрасположен ни к одной из них” – биолог-эволюционист Стефен Джей Гоулд»¹.

И вот теперь вопрос о природе человека вновь оказывается в центре внимания. Как говорил, открывая то же заседание, Председатель президентского совета по биоэтике проф. Л.Касс, проблема природы человека возникает в самых неожиданных местах. Мы часто сталкиваемся с ней, когда речь заходит о всякого рода технологических инновациях, способных, по утверждению некоторых, вызвать те или иные изменения в природе человека. «И в такого рода обсуждениях, – продолжает он, – очень скоро мы приходим к вопросу о том, существует ли вообще такая вещь, как природа человека, есть ли она нечто жестко структурированное или она прежде всего пластична, либо же, как часто говорят, суть природы человека состоит в изменении природы человека, и т.д., и т.п.»².

Таким образом, непосредственная причина сегодняшнего обращения к вопросу о природе человека – это перспективы, порой совсем близкие, но чаще более отдаленные, таких воздействий на человека, которые способны вызвать в нем глубокие и радикальные изменения. В первую очередь, хотя и не исключительно, возможности подобных воздействий связывают с прогрессом биологических наук. И здесь особое внимание привлекает генетика человека, в частности, то, что связано с изучением его генома, а также совокупность дисциплин, изучающих мозг как основу человеческого поведения, которые все чаще обозначают словом нейронаука (*neuroscience*).

Впрочем, плацдарм для такого рода глубоких и радикальных воздействий на человека создается не только в биологии, но и в других разделах науки, обращающихся к изучению человека. По-видимому, одна из отличительных особенностей нашего времени состоит в том, что не только те науки, которые некогда были названы объясняющими, но и науки гуманитарные, которые принято характеризовать как понимающие, все в большей мере воспринимаются – и, более того, осознают себя – как науки технологические, позволяющие изменять человека.

Перед лицом самых разнообразных воздействий на человека, многие из которых пока что практически не реализуемы, но тем не менее весьма оживленно и широко обсуждаются, возникает потребность серьезно задумываться о том, а *есть ли* у человека нечто такое, что остается и будет оставаться инвариантным при всех этих воздействиях и изменениях? Впрочем, у этого основного вопроса есть и вторая

См. PCBE Transcripts (March 6, 2003) Session 3 (<http://www.bioethics.gov/>)

Там же.

сторона, безусловно, связанная с первой, но в то же время задающая дискуссиям о природе человека иные измерения: а *должно ли* быть нечто, что при всех этих воздействиях и изменениях следует сохранять, оставлять неизменным?

2. История продолжается?

Безусловно, сегодня наиболее впечатляют в том, что касается познания человека, достижения и перспективы биологических (или, как часто говорят, биомедицинских) наук. Порожденные в этих областях знания нередко характеризуют как *биотехнологическую революцию*.

Примечательной в этой связи представляется позиция Ф.Фукуямы, выраженная в его недавней книге³. В самом ее начале он высказывает согласие с теми его оппонентами, которые оспаривали идею «конца истории». И причина такого изменения позиции – вовсе не события 11 сентября 2001 г. Он не склонен интерпретировать атаку террористов в духе «столкновения цивилизаций» – западной и исламской – по С.Хантингтону. «Я считаю, – пишет Фукуяма, – что эти события вовсе не были проявлением чего-либо подобного и что исламский радикализм, стоящий за этими событиями, есть всего лишь отчаянная арьергардная акция, которая со временем будет подавлена более широкой волной модернизации» (р.12).

Основанием же для того, чтобы не просто отрицать конец истории, но и, более того, говорить о ее *возобновлении*, как раз и является, с его точки зрения, происходящая ныне биотехнологическая революция и те вызовы, которые она ставит перед человеком, перед обществом, перед политикой⁴. Эта революция – не просто нарушение или ускорение размеренного хода событий; она приводит к тому, что будущее человечества вовсе не является predetermined, как это утверждалось в концепции «конца истории». Напротив, оно оказывается открытым, в решающей мере зависящим от наших нынешних решений и действий. В частности, Ф.Фукуяма дает такую трактовку биотехнологической революции: «То, что мы переживаем сегодня, – это не просто технологическая революция в нашей способности декодировать ДНК и манипулировать ею, а революция в основополагающей науке – биологии. Эта научная революция опирается на открытия и достижения в ряде взаимосвязанных областей помимо молекулярной биологии, включая когнитивные науки о нейронных структурах мозга, популяционную генетику, генетику поведения, психологию, антропологию, эволюционную биологию и нейрофармакологию» (р.19). В ходе этой революции, продолжает он, открываются беспрецедентные возможности изменения природы человека – изменения, быть может, столь глубокие, что возникает вопрос, а какое будущее нас ждет: человеческое или постчеловеческое?

Сценарии «постчеловеческого будущего», которые рисует Ф.Фукуяма, выглядят довольно мрачными; при этом некоторые из тенденций такого развития событий уже реализуются. Пути же в постчеловеческое будущее как раз и прокладывает биотехнологическая революция.

Исходное представление о постчеловеческом обществе автор очерчивает путем сопоставления двух популярнейших антиутопий – «1984» Дж.Оруэлла и «Прекрасный новый мир» О.Хаксли. Обе они, по мнению Фукуямы, предвосхитили две большие технологические революции; при этом если базисом первой антиутопии являются информационные, то второй – биологические технологии. Но если технологические предвидения оказались довольно точными в обоих произведениях, то в политическом

³ *Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. Farrar, Straus and Giroux. – N.Y., 2002.* Далее сноски на эту книгу будут приводиться в самом тексте.

⁴ В этой связи небезынтересно отметить, что Ф.Фукуяма является членом уже упоминавшегося Совета по биоэтике при президенте США.

отношении предвидения Дж. Оруэлла безнадежно уступают тем, которые были сделаны О. Хаксли.

В целом различные модели «жесткого» тоталитаризма, который живописал Оруэлл, ненадолго пережили установленную им сакраментальную дату – 1984 г. В то же время технологические возможности, многие из которых уже 70 лет назад предвидел Хаксли, такие, как оплодотворение в пробирке, суррогатное материнство, психотропные лекарства и т.п., в ходе их все более расширяющегося применения заложили основы для более «мягких», но однако и более основательных, глубинных способов воздействия на человека.

Как писал в этой связи в 1946 г. сам Хаксли, его интересовали в романе «лишь те научные успехи, те будущие изыскания в сфере биологии, физиологии и психологии», результаты которых могут быть непосредственно применены к людям. И далее: «Жизнь может быть радикально изменена в своем качестве только с помощью наук о жизни. Науки же о материи, употребленные определенным образом, способны уничтожить жизнь либо сделать ее донельзя сложной и тягостной; но только лишь как инструменты в руках биологов и психологов могут они видоизменить естественные формы и проявления жизни»⁵.

В противоположность «1984», в «Прекрасном новом мире», как отмечает Фукуяма, «зло не столь очевидно, поскольку никто не страдает; действительно, в этом мире каждый получает то, что он хочет. ...В этом мире нет болезней и социальных конфликтов, нет депрессий, душевных расстройств, одиночества или эмоционального страдания, секс всегда качественный и легко доступный» (р.5).

Но, хотя люди в «Прекрасном новом мире» здоровы и счастливы, они, продолжает Фукуяма, перестают быть *человеческими существами*. Они больше не борются, у них нет желаний, любви, они не чувствуют боли, не встречаются с ситуациями сложного морального выбора, у них нет семей, и вообще они не делают ничего из того, что мы традиционно связываем с человеческим существованием. «Прекрасный новый мир», таким образом, – это вовсе не грубое насилие над человеческой природой. Это – радикальное ее преобразование, которое можно интерпретировать даже как полный отказ от нее во имя чего-то другого.

«Цель моей книги – пишет в этой связи Фукуяма, – показать, что Хаксли был прав, что самая существенная угроза, исходящая от современной биотехнологии – это возможность того, что она изменит природу человека и, таким образом, приведет нас в “постчеловеческую” стадию истории. Это важно, по-моему, потому что природа человека существует, что это – осмысленное понятие, что она обеспечивает устойчивую непрерывность нашего существования как вида. Именно она совместно с религией определяет наши самые фундаментальные ценности. Природа человека формирует и ограничивает возможные виды политических режимов, так что если какая-либо технология окажется достаточно могущественной, чтобы переформировать нас, то это будет, видимо, иметь пагубные последствия и для либеральной демократии, и для природы самой политики» (р.7).

Сегодняшнее развитие науки и техники, продолжает Фукуяма, открывает такие возможности реализации утопий, которые были недоступны во времена Хаксли и Оруэлла: «Если, – замечает он, – оглянуться на средства, которые использовали социальные инженеры и планировщики утопий прошлого столетия, они представляются невероятно грубыми и *ненаучными* (курсив мой – Б.Ю.). Агитпроп, трудовые лагеря, перевоспитание, фрейдизм, выработка рефлексов в раннем детстве, бихевиоризм – все это было похоже на то, как если бы квадратный стержень природы

⁵ Хаксли Олдос. О, дивный, новый мир // Утопия и антиутопия XX века. – М.: Прогресс, 1990. – С.300.

человека пытались забивать в круглое отверстие социального планирования. Ни один из этих методов не опирался на знание нейронной структуры или биохимической основы мозга; ни у кого не было понимания генетических источников поведения, а если и было, то его нельзя было применить для воздействия на них» (р.15).

По правде говоря, сам по себе недостаток научных знаний редко ограничивает утопически-конструкторскую мысль, и едва ли изобретатели и пользователи перечисленных Фукуямой методов воспринимали такой дефицит как серьезное препятствие. Напротив, каждый из этих методов считался, а в известной мере и был, воплощением самых последних достижений научного гения, которые тогда было попросту невозможно оценивать и критиковать с наших сегодняшних позиций. Вместе с тем не стоит переоценивать научную обоснованность и сегодняшних, безусловно, намного более тонких и эффективных, технологий воздействия на человека. Вполне вероятно, что через столетия и они будут восприниматься как ужасно грубые, неэффективные и ненаучные. На мой взгляд, различия между утопизмом тогдашним и нынешним лежат совсем в другой плоскости.

3. Современная биология и природа человека

Итак, осмысление и ассимиляция культурой современных достижений наук о человеке представляет собой отнюдь не один лишь академический интерес – человеку необходимо вырабатывать ориентиры, без которых будет попросту невозможно жить в этом мире новых, едва ли не сказочных возможностей. На мой взгляд, есть все основания согласиться с акад. Л.Л.Киселевым, который констатирует наличие опасного разрыва (или, как он говорит, дисбаланса) между естественными и гуманитарными науками в познании человека, их самоизолированности друг от друга.

Он характеризует возникновение на рубеже веков геномики и биоинформатики как не только качественно новый этап в биологии, но и новый этап в познании человека как биологического вида. Этот этап, по словам Л.Л.Киселева, «означает возникновение новой основы, новой базы для реального (а не декларативного, бумажного, формального) интегрального подхода к самопознанию человека, к взаимодействию на новой, строго материалистической основе двух ветвей науки – естественной и гуманитарной»⁶.

Действительно, современная наука выводит на совершенно новый уровень наши познания о человеке – и не только о его биологии, но и о его психике, а также о социальных и культурных характеристиках человеческого существования в мире. И, безусловно, следует согласиться со всеми теми, кто говорит о необходимости серьезно задуматься над вопросом о природе человека, систематически переосмыслить его в контексте новых научных знаний.

Здесь, однако, сразу же возникают проблемы: рассуждая о природе человека, мы, безусловно, должны опираться на те данные, которые вырабатываются в науках о человеке. Однако достаточно ли одних этих данных? Ведь что-то мы знаем о природе человека до и помимо науки – скажем, из религии и теологии, из искусства и художественной литературы, наконец, из повседневного жизненного опыта. А как соотносятся между собой все эти знания? Дело осложняется и таким обстоятельством: те знания о человеке, которые дает наука, носят объектный характер, а между тем не очень понятно, в какой мере такого рода объектные знания в принципе могут быть достаточными для того, чтобы выразить природу человека. Ведь многое

⁶ Киселев Л.Л. От редукционизма к интегратизму // Человек. – 2003. – №4. – С.7

из того, что мы считаем относящимся к ней и весьма важным, дается нам не объектным образом, а в иного рода опыте.

Можно привести такой пример. Уже упоминавшийся С.Пинкер, когда его попросили объяснить, что он понимает под природой человека, ответил так: «Да, это вполне законный вопрос. Я охарактеризовал бы природу человека как совокупность эмоций, мотивов и когнитивных способностей, которые являются общими для всех индивидов с нормальной нервной системой; при этом вариации между индивидами в отношении этих свойств носят количественный, а не качественный характер»⁷. Такое определение, на мой взгляд, существенным образом опирается именно на научное, на объектное понимание человека. Более того, оно фиксирует лишь те качества человека, которые так или иначе обусловлены его биологией.

Примерно то же самое можно сказать и о понимании природы человека у Ф.Фукуямы. Он предлагает такое определение: «природа человека – это сумма поведения и типичных видовых характеристик, обусловленных генетическими, а не средовыми факторами»⁸. А в другом месте он говорит о том, что «современная биология в конечном счете дает некоторое значимое эмпирическое содержание понятию человеческой природы»⁹.

Подобные определения не представляются мне ни достаточными, ни удовлетворительными. Я не думаю, что нам следует в очередной раз впасть в крайность и сводить всю природу человека к его биологии – примерно так же, как несколько десятилетий назад было принято трактовать природу человека исключительно через его социальные качества. Действительно, современная биология позволяет увидеть человека во многом по-новому, и получаемые ею результаты следует учитывать самым серьезным образом. Из этого, однако, вовсе не следует, что *только* биология может сообщить нам нечто важное и интересное по поводу того, какова же природа человека.

Наряду с этим вызывает сомнения и то, что природа человека в данном случае определяется как нечто данное исключительно внешним, опять-таки чисто объектным образом. А вследствие этого, во-первых, наши представления о природе будут недостаточно устойчивыми из-за подверженности воздействию тех сдвигов, которые происходят и будут происходить в познании биологии человека. И если учесть, сколь фундаментальную роль отводит им тот же Фукуяма, то окажется, что при каждом таком сдвиге нам придется более или менее радикально перестраивать едва ли не всю систему политических институтов.

Во-вторых, объектное понимание природы человека так или иначе предполагает отстраненность от ценностных составляющих этого понятия. В некоторых существенных отношениях это очень важно и очень нужно, но коль скоро речь идет о том, чтобы оно служило в качестве основы не только для размышлений, но и для действий, такой ценностной вакуум из достоинства превращается в недостаток.

И еще одно замечание. Многие авторы, как те, кто подходит к человеку с позиций науки, так и изучающие его с других точек зрения, в тех или иных формах и терминах отмечают в качестве ключевой черты специфически человеческого существования присущую человеку (или заложенную в нем?) способность преодолевать те или иные пределы, а значит, его принципиальную неопределенность. Может ли нечто, обладающее такими характеристиками, быть адекватно представлено в рамках научного мышления? И если да, то в какого рода категориях и понятиях можно выразить эти представления?

⁷ PCBE Transcripts (March 6, 2003) Session 3 (<http://www.bioethics.gov/>)

⁸ *Fukuyama F.* Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. – P.130.

⁹ Там же. – P.13.

Эти вопросы становятся сегодня особенно жгучими, поскольку, как уже отмечалось, мы оказываемся перед перспективами коренных преобразований человеческой природы. Наиболее рельефным выражением этих перспектив является, на мой взгляд, то, что эта недоопределенность, непредзаданность человеческой природы может восприниматься, а в эпоху поистине безграничных технологических возможностей и действительно начинает восприниматься как поле для реализации разного рода конструкторских проектов и замыслов.

4. Природа человека в ценностном контексте

Мы, таким образом, подошли ко второй стороне вопроса о природе человека – к тому, что касается его ценностного содержания, ценностной нагруженности. Коль скоро речь идет не просто о познании человека, но и о разного рода воздействиях на него, естественно задуматься о том, для чего предпринимаются эти воздействия. А задумываясь над этим, мы, помимо всего прочего, ищем возможность провести различие между воздействиями оправданными, дозволенными, с одной стороны, и теми, цели и смысл которых представляются сомнительными либо вообще неприемлемыми.

Сегодня для того, чтобы различить оправданное и неприемлемое, используются термины «терапия» и «улучшение» (*enhancement*). Если первый из них можно сопоставить с такими терминами, как исцеление, врачевание, то относительно второго в грубом приближении можно утверждать, что он употребляется применительно к таким воздействиям, которые ранее ассоциировались с евгеникой. Или, если использовать выражение из посвященного этой теме рабочего доклада, который был подготовлен сотрудниками Президентского комитета США по биоэтике, «терапия делает людей цельными (в том смысле, что человеку так или иначе возвращается утраченная или поврежденная целостность), в то время как улучшение изменяет целое»¹⁰.

Предполагается, таким образом, что терапевтические воздействия, которые и являются подлинной сферой медицины, направлены на восстановление здоровья человека, на то, чтобы привести его в норму, а потому их оправданность обычно не вызывает сомнений. Терапевтические воздействия, таким образом, предназначены для *восстановления* природы человека, а не для ее изменения.

Совсем другое дело – улучшающие воздействия, направленные именно на *преобразование* природы человека. В том, что касается их приемлемости, единодушия наблюдается несравненно меньше. Тот же Фукуяма, скажем, обращается к понятию природы человека как раз для того, чтобы характеризовать нечто не просто существующее, но при этом еще и заслуживающее сохранения, защиты. Собственно говоря, как раз поиск опоры для такого рода охранительных устремлений и порождает сегодняшнее обращение к вопросу о природе человека.

Проблема, однако, в том, что попытки различить терапию и улучшение порождают новые трудности. Как отмечается в том же рабочем докладе: «Проведение границ между терапией и улучшением на абстрактном уровне может выглядеть простой задачей, но на практике это различие зачастую оказывается далеко не очевидным». И далее авторы выделяют три главных причины этих трудностей:

Во-первых, понятия терапии и улучшения не являются взаимоисключающими: большинство, если не все, виды терапии можно понимать и как улучшение, хотя не все улучшения имеют терапевтический смысл.

¹⁰ См. Distinguishing Therapy and Enhancement. Staff Working Paper (<http://www.bioethics.gov/>)

Во-вторых, действия, предпринимаемые для того и для другого, часто бывают теми же самыми – так, один и тот же гормон роста может быть применен и для того, чтобы бороться с дефектом гипофиза, обуславливающим карликовый рост, и для того, чтобы замедлять процесс старения.

В-третьих, нередко бывает очень трудно определить стандарт, который позволил бы проводить четкое различие между терапией и улучшением, поскольку это различие существенно зависит от того, как понимается здоровье.

Скажем, согласно известному определению Всемирной организации здравоохранения, здоровье определяется как «состояние полного физического, психического и социального благополучия». И, как справедливо замечают авторы доклада, с такой точки зрения почти любые действия, направленные на улучшение, могут рассматриваться в качестве терапевтических.

5. Между терапией и улучшением

Даже если предположить, что нам удалось так или иначе провести грань между терапией и улучшением, это еще не будет означать решения самых трудных вопросов. Дело в том, что сегодня многие люди не склонны столь решительно отвергать любые перспективы евгенических воздействий на человека, как это было лет 30–40 назад. Изменились при этом представления не только о возможностях «улучшающих» евгенических воздействий, но и о том, кто, каким образом и в каких масштабах будет осуществлять эти воздействия. На место евгеники, осуществляемой от лица государства, притом нередко самыми жестокими, репрессивными мерами, как то практиковалось, скажем, в нацистской Германии, приходит иная евгеника. Ее называют «домашней», или «семейной», или «приватной». Обратимся теперь к ее истокам.

В этой связи следует заметить, что споры о ведущей роли природы (или наследственности, или генов) либо общества (соответственно среды или воспитания) в формировании человеческих качеств ведутся очень давно. Нередко отмечается маятниковый характер смены представлений о том, чем именно определяются эти качества. Действительно, несколько десятилетий назад едва ли не подавляющим было преобладание представлений, в которых ключевая роль отводилась социальным факторам; сегодня же значительно более популярны воззрения тех, кто считает решающим влияние наследственности (генов). Разумеется, в качестве основания для такого изменения взглядов обычно называют колоссальные достижения молекулярной биологии, и прежде всего – проводимые на молекулярном уровне исследования по генетике человека.

На мой взгляд, однако, сами по себе эти достижения – сколь бы впечатляющими они ни были – являются лишь одним из факторов, обуславливающих такое «переключение гештальта», в результате которого именно генетическим, а не социальным детерминантам стала отводиться ключевая роль при объяснении природы человека и его поведения. Ведь и сам этот бурный прогресс биологических наук в существенной степени обусловлен сдвигами социально-культурного порядка.

С одной стороны, исследования в области генетики человека стали несомненным приоритетом не только для современной науки, но и для современного общества (там, где оно вообще хочет и может интересоваться наукой и поддерживать ее). С другой стороны, более высокое доверие к биологическим трактовкам природы человека в противовес трактовкам социологическим или наоборот – это, в конечном счете, выбор, который делают сами люди и общество в целом.

Здесь уместно будет провести такую аналогию. Предпочтение биологического либо социологического истолкования природы человека можно сопоставить с предпочтением различных объяснений этих перемен в общественных умонаст-

роениях. Одно из таких объяснений ставит во главу угла прямое восприятие обществом научных достижений – как если бы общество было непосредственным реципиентом той весьма специализированной интеллектуальной продукции, которую поставляет ему наука. Другое же объяснение акцентирует роль социально-культурных факторов, которые не просто опосредуют передачу обществу этой интеллектуальной продукции, но и сами в значительной мере определяют те зоны текущего производства новых научных знаний и технологий, которые привлекают повышенный интерес со стороны общества. Обращение к этим факторам, между прочим, позволяет обнаружить немало весьма значимых особенностей и нюансов нынешнего массового «обращения в генетическую веру».

Возьмем только один пример. Зоолог и этолог Франс де Ваал пишет о том, что сегодня противопоставлению природы и воспитания приходит конец¹¹. Он вспоминает, что когда в 70-е годы прошлого века в своих публичных лекциях он рассказывал о сексуально обусловленных различиях в поведении шимпанзе, в частности, о том, что самцы более агрессивны и более амбициозны, чем самки, ему приходилось сталкиваться со взрывами протеста¹². Его обвиняли и в проекции своих ценностей на поведение животных, и в недостаточной строгости его методов, и в других грехах.

Сегодня же, по его словам, подобную информацию повторяют столь широко и часто, что она нагоняет на слушателей зевоту. Казалось бы, сторонники биологических объяснений могут праздновать победу, однако де Ваала это отнюдь не устраивает. «Мы ничуть не приблизились к рациональному пониманию взаимодействия генов и среды, – пишет он. – Общество позволило маятнику беспорядочно качнуться назад от воспитания к природе, оставив в недоумении многих обществоведов. Тем не менее, мы до сих пор любим выражать все в терминах влияния либо того, либо другого, а не того и другого вместе»¹³.

И далее автор говорит о необоснованности и даже опасности такого рода противопоставлений. По его мнению, современные исследования все более определенно показывают взаимопереплетение биологических и социальных детерминант. Вследствие этого, надеется он, в будущем «столь популярные сегодня дихотомии ослабеют вплоть до того, что от них можно будет отказаться. Вместо того, чтобы видеть в культуре антитезу природе, мы придем к более глубокому пониманию человеческого поведения, потихоньку проводив в могилу старый спор о примате природы либо воспитания»¹⁴.

Вполне можно было бы согласиться с аргументацией и выводом Ф. де Ваала, если бы не одно обстоятельство. Он ведь далеко не первый, кто предлагает похоронить противопоставление природы и воспитания. Подобные суждения, и вполне аргументированные, опиравшиеся на авторитет новейших научных достижений соответствующего времени, высказывались едва ли не на всех стадиях этого векового спора. Но, как оказывается, до сих пор это не мешало продолжению противоборства – видимо, его питают далеко не одни лишь научные доводы, но и нечто коренящееся в жизни общества и в его культуре.

¹¹ *Frans B.M. de Waal. The End of Nature versus Nurture // Scientific American. – December 1999. – P.94–99.*

¹² Одну из своих книг он назвал «Политика шимпанзе»: *Frans B.M. de Waal. Chimpanzee Politics: Power and Sex among Apes. – Baltimore: Jons Hopkins University Press, 1989.* В ней описывается, в частности, борьба за статус, которую он наблюдал в колонии шимпанзе, живущей в неволе. Самцы шимпанзе образовывали коалиции, плели интриги и предавали друг друга. Они отчетливо демонстрировали эмоции, напоминающие гордость и ярость, в зависимости от того, признавался или нет их ранг в колонии их собратьями.

¹³ *Frans B.M. de Waal. The End of Nature versus Nurture. – P.96.*

¹⁴ *Ibid. – P.99.*

6. Человек в царстве утопии

Тем не менее, в наши дни это противостояние разыгрывается во многом по-новому. С целью проиллюстрировать это обратимся к миру утопии. В нем, как и везде, сегодня происходят кардинальные перемены. Время социальных утопий, видимо, уходит в прошлое. Одной из главных причин этого, на мой взгляд, является то, что утратил актуальность сам замысел построения *идеального социального порядка*. Он представляется ныне не только недостижимым, но и не особенно привлекательным. Ключевую роль в его развенчании сыграли антиутопии XX в. – как художественные вымыслы (или прозрения) Евг.Замятина, А.Платонова, Дж.Оруэлла, О.Хаксли и других авторов, так и те, не менее жуткие, которыми обернулась практическая реализация некоторых утопических проектов. Поэтому наши искушенные современники бывают не очень-то склонны уповать на социальный порядок – к нему, как правило, предъявляются минимальные требования: только бы не мешал жить.

Сами же импульсы, питающие утопическое мышление, отнюдь не иссякли. Только теперь оно прорастает на иной почве – *место социальных утопий занимают утопии индивидуальные*. Речь, конечно же, идет не о проектах создания идеального человека – таковые всегда были главной составной частью социальных утопий. Объектом же индивидуальных утопий является будущее самого «утопающего», его детей, вообще близких, а то и копий, получать которые можно будет путем клонирования. В пространственном отношении такая утопия ограничивается близким окружением, она оказывается локальной. Вожделения же направляются на такие объекты, как крепкое здоровье, способность добиваться высших достижений в тех или иных областях деятельности, комфортная, счастливая, активная, долгая (в пределе, и сегодня уже отнюдь не только абстрактно мыслимом – бесконечная) жизнь. Ориентиром и мерой прогресса при этом выступает непрестанное, в идеале даже безграничное, расширение индивидуальных возможностей человека.

Что касается средств, которые предполагается использовать для реализации этих упований, то основные надежды теперь возлагаются отнюдь не на социальные преобразования, а на достижения науки и технологии. Действительно, неисчерпаемым источником, питающим утопическое мышление наших дней, являются биологические науки, и, прежде всего, – генетика. Они выступают в этом качестве вовсе не впервые, но в контексте современного утопизма их роль, как мы увидим в дальнейшем, оказывается весьма своеобразной. И, что характерно, при этом вовсе не имеется в виду то взаимодействие, взаимопереплетение биологической и социальной детерминации, о котором говорил де Ваал.

Сказанное никоим образом не означает, что биологические трактовки человека достигли абсолютного господства. Скорее нынешнюю ситуацию можно охарактеризовать как очередной этап противостояния, конкуренции двух программ – биологической и социальной. Да, биологическая программа сегодня, безусловно, превалирует, однако и социальная программа, претерпевая во многом те же трансформации, что и биологическая, обретает новые возможности для своего развития и практического воплощения.

7. Конструирование человека

Утопический проект создания ребенка с заранее predeterminedными характеристиками и качествами или, иными словами, замысел *конструирования человека* (в англоязычной литературе это называют *designer baby*) вполне можно считать некоей сверхидеей, выражающей самую сокровенную суть биотехнологической революции. Этот замысел, действительно, выступает как новое, современное

выражение воззрений, которые акцентируют ведущую роль биологических, генетических начал в определении природы человека.

Но вот некоторое время назад мне стало известно о таком факте, имевшем место в Москве. Группа достаточно состоятельных родителей обратилась к психологам с предложением подготовить специальную образовательную программу для школьников. Родители обеспокоены тем, что существующая в России система образования воспроизводит детей с определенным набором личностных черт, таких, как сильная зависимость собственных взглядов и установок от ближайшего окружения, стремление не выделяться на фоне других, способность легко подчиняться тем, кто наделен властью, отсутствие склонности и навыков лидерства и т.п.

По мнению этих родителей, дети с такими чертами личности будут недостаточно приспособленными и успешными в будущей самостоятельной жизни, где необходимо будет проявлять противоположные свойства: стремление во что бы то ни стало достичь поставленной цели, самостоятельность, способность прилагать максимум усилий для получения существенных результатов в своей деятельности, наличие развитых коммуникативных и лидерских умений и т.п. Родители готовы были не только платить за образовательные курсы, которые позволят их детям развить такие черты, но и оказывать материальную поддержку разработке соответствующих психологических тренинговых программ. Таким образом, и здесь мы сталкиваемся с проектом создания молодых людей с заранее заданными личностными свойствами. Только в этом случае речь идет не о биологическом или генетическом, а о психологическом и социально-психологическом конструировании.

Наверно, можно было бы порассуждать о том, что для нашей культуры более характерен именно такой подход, акцентирующий влияние среды и воспитания в формировании личности, в то время как в американской (или, может быть, западной?) культуре более свойственно ставить на первый план влияние генов. Меня, однако, интересует здесь другое, а именно – структурное сходство обоих проектов и, в частности, их специфические отличия от проектов, предлагавшихся в прошлом.

Во-первых, нынешние воззрения отличает существенно *технологический подход*. Он проявляется не только в планировании и организации действий, но и в самом восприятии вещей, включая такие интимные, как черты личности ребенка, даже своего собственного. Я имею в виду при этом такой способ восприятия мира и мышления о нем, который предполагает следующее: если некто имеет четко определенную цель (скажем, те или иные черты личности) и необходимое количество ресурсов (прежде всего – финансовых), то он вполне может достичь этой цели. Для этого ему необходимо всего лишь найти и нанять профессионалов или экспертов, которые будут в состоянии собрать или создать все необходимые средства. В случае генетического проекта эти средства – вмешательства, осуществляемые на молекулярно-генетическом уровне; в случае социального – прежде всего воспитательно-педагогические воздействия, которые, между прочим, Фукуяма считает устаревшими и малоэффективными. Мне-то представляется, что XX в. многократно демонстрировал высочайшую эффективность технологий индоктринации, а уж современные методы психологического воздействия, формирования стереотипов восприятия и поведения достигают порой редкостной изощренности. Между прочим, то, что общественное мнение сегодня оказывается столь падким на посулы, исходящие от пропагандистов генно-инженерных технологий, тоже можно в определенной мере рассматривать в качестве результата такой социально-психологической обработки.

Говоря о проектируемом ребенке, мы имеем в виду, что не только некоторые его черты, но и сам ребенок как таковой воспринимается в подобных ситуациях как

произведенный, как «созданный» родителями. Причем речь идет о «созданности» не просто в генетическом или социально-психологическом, но и в технологическом смысле. Другими словами, ребенок (а стало быть, и человек) в таких случаях понимается как некое достаточно произвольно конструируемое либо реконструируемое существо, порождаемое не столько природой, сколько осуществлением человеческого замысла.

Стоит обратить внимание и на то, что нынешние тенденции в восприятии возможных путей использования новых знаний о геноме человека отчетливо демонстрируют тот же самый существенно технологический способ их применения. Более того, те же тенденции во все большей мере определяют и пути получения этих новых знаний.

Во-вторых, такой технологический подход не только предполагает, но и делает необходимым применение тщательно разработанных, основанных на количественных оценках и измерениях систем *диагностики*. Действительно, необходимо ведь иметь возможность как предварительной диагностики тех черт будущего ребенка, которые предполагается улучшить, так и промежуточной диагностики того, насколько успешно мы движемся к желаемому состоянию.

Очевидно, что такие системы диагностики должны быть довольно сложными и многомерными; они могут быть созданы только на основе развитых категоризаций, которые позволяют систематизировать и классифицировать огромное разнообразие человеческих индивидов. А это значит, что те родители, которые захотят получить своего ребенка в улучшенном варианте, в конечном счете будут иметь не просто своего собственного, уникального ребенка, а некоторый продукт стандартизированных технологических манипуляций.

Отметим, что генетическая диагностика на сегодня является наиболее развитой областью исследований в геномике человека. И уже известно, что она несет с собой разнообразные риски, затрагивающие права и достоинство человека, риски дискриминации и стигматизации индивидов или популяций. Кроме того, развитие генодиагностики нередко опережает технологические возможности ассимиляции ее достижений. А это создает весьма специфический риск – риск обнаружения дефектов, заболеваний и предрасположенностей, которые не поддаются лечению или коррекции. Проблемы, касающиеся того, следует ли получать такую информацию и что с ней делать, еще ждут своего решения.

Отметим также и то, что все более широкое применение получают сегодня методы психологической диагностики, особенно применительно к детям. И в этом случае их применение бывает далеко не безобидным, также являясь источником различных рисков, например, той же стигматизации или травмирующей самооценки¹⁵. Но если разработка и применение средств генетической диагностики сопровождается пристальным вниманием к возникающим в этой связи этическим проблемам, то о применении методов психодиагностики сказать подобное, к сожалению, нельзя. Представляется, что для выявления, оценки и решения такого рода проблем особенно важны средства гуманитарной экспертизы.

В-третьих, такой подход опирается на (неявное) допущение, согласно которому человека можно понимать как всего лишь *набор отдельных признаков*. Как известно, классическую генетику первой половины XX в. часто критиковали за то, что она не уделяла должного внимания системным взаимосвязям и взаимодействиям между отдельными генами. В ходу были такие уничижительные характеристики, как

¹⁵ См. в этой связи, напр., материалы Круглого стола «Психологическая диагностика в системе образования и права ребенка» // Человек. – 2000. – №6; 2001. – №1.

«генетика мешка с горохом». Безусловно, современная генетика ушла очень далеко от такого состояния. Сам термин «геном» был предложен, помимо всего прочего, для того, чтобы подчеркнуть системную природу функционирования и выражения отдельных генов в рамках генома как целого.

На этом фоне особенно удивительным представляется то, что сегодня, по крайней мере, в публичном восприятии новой генетики и ее перспектив, такой механистический подход вновь получает распространение. Видимо, его возрождение только отчасти может быть объяснено внутринаучными причинами, главную же роль играют именно запросы широкой публики. Почти каждую неделю средства массовой информации сообщают об открытии нового гена, ответственного не просто за ту или иную болезнь, но часто и за какую-либо привычку или черту поведения. Неоднократно, к примеру, сообщалось об обнаружении гена полноты.

Вообще, как замечает С.Пинкер, «существует распространенное допущение о том, что мы открыли или скоро откроем отдельные гены, ответственные за такие таланты, как математическая одаренность, музыкальные способности, атлетическое совершенство и т.п. Но реальность существенно иная, и я думаю, что ахиллесовой пятой генетического улучшения окажется то, что отдельные гены редко несут с собой полезные психологические эффекты. Я думаю, существует миф, будто такие гены уже открыты или неизбежно будут открыты, но это вовсе не так»¹⁶.

Характерно, что «героями» таких сообщений прессы обычно являются именно те черты, признаки или свойства, которые вызывают у людей наибольший интерес. Имеет смысл обратить внимание и на поразительное совпадение такого рода «мозаичного» восприятия сложных объектов с постмодернистским стилем мышления.

Подобные же соображения касаются и социально-психологического конструирования. Есть все основания говорить о системной организации как взаимосвязанных между собой черт личности, так и связей личности с окружающей ее социальной и культурной средой. Поэтому вполне возможно, что личность, конструируемая или реконструируемая с помощью психологических технологий, будет сталкиваться с серьезными трудностями или в силу индуцированных в процессе конструирования внутриличностных напряжений, или из-за несоответствия преобладающим социальным и культурным нормам и ценностям.

В-четвертых, наконец, принципиальной особенностью современного подхода является его отчетливо выраженный *конструктивизм*. Не только каждая общая или специфическая черта каждого биологического организма, не только биологический организм как целое, но и каждое человеческое существо воспринимается как в некотором смысле созданное, порожденное, как *сконструированное*. Более того, именно эта сконструированность открывает возможности и для преднамеренного *ре-конструирования* человеческого существа. Тщательно подготовленные микро-вмешательства или микровоздействия позволяют «отремонтировать», подправить не только врожденные, но и приобретенные дефекты и поломки, а также получать детей улучшенного качества.

Наши быстро растущие возможности манипулирования человеческим организмом и психикой вкупе с технологической направленностью восприятия и обращения с этими состояниями позволяют нам переходить от «естественных» к «интенциональным» способам социального конструирования.

¹⁶ PCBE Transcripts (March 6, 2003) Session 3 (<http://www.bioethics.gov/>)

Под «естественным» способом я понимаю социальное конструирование реальности (или ее определенных фрагментов) в смысле П.Бергера и Т.Лукмана¹⁷. Их конструктивизм можно охарактеризовать как дескриптивный – они стремятся описывать социальный мир значений таким, каков он есть сам по себе (или, если воспользоваться выражением К.Маркса, можно говорить о естественно-историческом характере явлений социального мира) – эти явления просто происходят с нами или вокруг нас, безотносительно к нашим планам, желаниям и т.п.) и не идут так далеко, чтобы полагать, что эти значения можно формировать и переформировывать преднамеренно. *Интенциональный способ*, в свою очередь, есть сложная смесь технологических возможностей направленного вмешательства, с одной стороны, и намерений, верований, норм и т.д., которые воплощаются в произвольных и сознательно проектируемых социальных действиях, с другой. Следовательно, в этом случае мы имеем нечто вроде «конструктивного конструктивизма». Безусловно, социальные (и человеческие) действия такого рода являются вполне обычными; интересно же то, что в рассмотренных нами случаях такое интенциональное социальное конструирование направлено на достижение необычных целей.

¹⁷ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.